

ИЗЪ ПОХОДНАГО ЖУРНАЛА.

(Продолженіе!).

11-го августа. Къ полудню подѣхалъ изъ штаба 1-го Сибирскаго корпуса *Ө. В.* Теперь уже были на лицо всѣ четверо однополчанъ.

Мы провели весь день не разлучаясь. Вмѣстѣ обѣдали и ужинали въ той же столовой, гуляли по городу, снимались группой и толковали о прошлой жизни въ полку и войнѣ, рассказывая другъ другу все, что пережили, чего насмотрѣлись.

Въ 11 часовъ мы распрощались съ *Эдуардомъ*; онъ поѣхалъ въ свой штабъ, чтобы завтра отправиться въ передовой отрядъ и участвовать 14-го въ такой же боевой развѣдкѣ, какая была у *Грекова* при мнѣ.

Только состоится ли она ¹⁾? Когда *Эдуардъ* уже сидѣлъ на конѣ, приближалъ капитанъ *М.* и объявилъ намъ послѣднюю телеграмму:

— Переговоры кончены! Мы согласились на уступку южной половины Сахалина и уплату ничтожной контрибуціи въ видѣ вознагражденія за содержаніе плѣнныхъ!

Быть можетъ все кончено.

Но слуховъ такъ много, что еще рано вѣрить.

Сердце подсказываетъ — конецъ!

Нѣсколько дней и... перемиріе.

Подождемъ подводить итоги своимъ треволненіямъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 10.

²⁾ Рекогносцировка состоялась, а бравый *Э. В.* нынѣ полковникъ получилъ за нее золотое оружіе.

12-го августа. Въ 11 ч. утра мы распрощались. Жан остался въ Херсу, Лода отправился на дальній востокъ, въ Инчензу къ Мадритову, и я на западъ въ нашъ Маймакай.

Когда то теперь, въ какой обстановкѣ Богъ приведетъ съ ними встрѣтиться?

Обратный путь мы сдѣлали съ Крандашовымъ уже знакомой дорогой, тѣми же живописными долинами, которыя сегодня при великолѣпной погодѣ показались еще красивѣй, еще уютнѣй и сильнѣе ихъ плѣняющей красотой.

Всѣ эти горныя долины похожи одна на другую, но этотъ путь между Херсу и желѣзной дорогой кажется мягче и поэтичнѣй, чѣмъ всѣ панорамы, какія мнѣ случалось встрѣчать въ походѣ.

На серединѣ пути къ развѣзду у д. Ишдяопа, гдѣ сливаются два горныхъ ручья, мы привязали лошадей у деревьевъ и купались на солнцѣ въ хрустальной водѣ, несущейся говорливымъ потокомъ по песчаному руслу, — въ такой тишинѣ и безлюдьи среди задумчивыхъ сопокъ, что библейская идилия мнѣ показалась ближе въ эти минуты, чѣмъ обаяніе войны и позицій.

На 84 развѣздѣ мы сдѣлали большой привалъ для лошадей и для обѣда. Мой обѣдъ въ деревянномъ сараѣ, гдѣ оказывается уже водворился «буфетъ I, II и III классовъ» былъ настолько скромнень изобиліемъ и роскошенъ поданнымъ счетомъ, что достоинъ исторіи:

Двѣ бутылки лимонада	1 р. 20 к.
Рюмка удѣльнаго вина	1 „ — „
Супъ съ вермишелью, фаршированные баклажаны и блинчики	2 „ 20 „
Стаканъ чаю	— 10 „
Слугѣ	— 50 „
Итого	5 р. — „

Заплатилъ и размѣялся, до того это «по ту сторону» нашихъ понятій о цѣнностяхъ.

Въ 8 ч. мы вернулись домой.

Я ждалъ, откровенно сказать, что весь нашъ дворикъ будетъ въ затишьи, уныніи и что услышу со всѣхъ сторонъ объявленіе мира, но, вмѣсто того, столкнулся сразу съ вѣщими признаками иныхъ настроеній.

Въ саду повстрѣчался съ генераль-квартирмейстерами — главнокомандующаго — Орановскимъ и 3-й арміи Алексѣевымъ, во дворикѣ шумѣли наши ординарцы и толковали о чемъ то съ адью-

тантомъ Орановскаго А.; въ нашей фанзѣ командующій совѣщался съ начальникомъ штаба и Б. Какой тутъ миръ! Никто не вѣрить ни въ какія телеграммы, и говорятъ только о завтрашнемъ совѣщаніи съ пріѣзжими о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ 2 и 3 арміи.

Въ 10 ч. вечера прискакалъ еще ординарецъ отъ главнокомандующаго съ «секретнымъ пакетомъ», и черезъ минуту мы зашикали другъ на друга и слушали, какъ Б. громко читаетъ командующему этотъ «секретъ».

— Въ виду прибытія на театръ войны 9 и 19 корпусовъ, прошу прибыть 16-го всѣхъ командующихъ арміями на совѣщаніе о наступательныхъ дѣйствіяхъ и представить письменно свои соображенія по главнымъ вопросамъ; завтра же пріѣзжаетъ вызванный на предварительное совѣщаніе Мищенко.

Всѣ возбуждены, командующій весь вечеръ переходитъ изъ кумирни то въ нашу фанзу, то въ кумирню Флуга, слышатся отдѣльныя фразы о разныхъ комбинаціяхъ, готовятся карты и все—возможные подсчеты.

И все таки, искренно, едва ли хоть кто нибудь вѣрить въ возможность продолженія войны. А ординарецъ Н. В. С. твердитъ по прежнему.

99 шансовъ за миръ!

13-го августа. Съ утра до завтрака подъ шатромъ у командующаго происходило совѣщаніе.

Въ половинѣ четвертаго мы выѣхали изъ Маймака въ цѣлымъ поѣздомъ въ Ламатензу на завтрашнюю стрѣльбу гаубичной батареи по китайскимъ фанзамъ съ позицій 10-го корпуса. Въ трехъ тройкахъ ѣхали: командующій съ Орановскимъ, Алексѣевъ съ Б. и съ дежурнымъ ординарцемъ Л. И. К. на козлахъ, генераль Флугъ съ Эйхгольцемъ и я, верхомъ съ моей симпатіей—умнымъ и порядочнымъ жандармомъ Кухарчукомъ.

Я ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы повидаться съ Ц. и Б., у Кукко остаться на ночь и утромъ быть на стрѣльбѣ.

Впереди нашего поѣзда скакали три конвойныхъ казака и показывали дорогу.

Мы съ Кухарчукомъ то отставали, то обгоняли экипажи, спрямляя зигзаги дороги, и толковали безъ умолку на тѣ мои излюбленныя темы, которыя даютъ самый дорогой матеріалъ, чтобы знать солдатское міровоззрѣніе.

Сегодня мы говорили больше всего о Государственной Думѣ. Я спросилъ Кухарчука, читалъ ли онъ Царскій манифестъ и какъ понимаетъ все, что случилось въ Россіи?

Онъ отвѣчалъ разумно и ясно, что теперь «самый простой народъ будетъ говорить, что ему нужно и сообща съ правительствомъ разсуждать о пользѣ всего государства». Но это пониманіе такого исключительнаго солдата каковъ Кухарчукъ.

— А что другіе солдаты—много говорятъ, теперь объ этомъ манифестѣ и Думѣ?

— Никакъ нѣтъ, в. в., что то не слышно.

— Такъ какъ же это—вѣдь газеты же читали?

Читать читали,—толко не поняли... Да и дѣла имъ до этого мало. У насъ, в. в. на этотъ счетъ разговоръ никогда не бываетъ, что Дума, что безъ Думы—солдатамъ это не любопытно.

Вотъ насчетъ замиренія—это толкуемъ.

— Какова пропасть между народомъ и «народниками», и много ли послѣдніе отошли отъ наивныхъ японскихъ сочинителей «прокламацій», кричащихъ нашимъ солдатамъ «здоровствуй свобода».

Послѣ одного изъ загибовъ дороги уже верстахъ въ 6-ти отъ Ламатензы (какъ потомъ оказалось) я опередилъ еще разъ экипажъ командующаго и выѣхалъ на передовыхъ конвойнымъ казаковъ.

— Что это, братцы вы ведете какъ будто незнакомой дорогой?

-- Такъ точно, в. в., мы и сами васъ хотѣли спросить, гдѣ будетъ лучше?

-- Да вы дорогу-то знаете?

— Нпкакъ нѣтъ, в. в., мы въ первый разъ...

Не зная самъ дороги, я повернулъ назадъ, чтобы предупредить ординарца Л. И. К., но тутъ случилась еще и другая бѣда. На одной изъ рытвинъ, на которыя завели, блуждая, казаки, у экипажа командующаго свалилось колесо. Послѣ починки на скорую руку, командующій и Орановскій сѣли опять, но снова попали въ ухабы, и колесо разсыпалось вдребезги.

Весь поѣздъ вышелъ на дорогу и не знали, что дѣлать. Въ концѣ концовъ, командующій принялъ мое предложеніе и сѣлъ на моего коня; Л. И. К. посадили на лошадь жандарма, мы съ Кухарчукомъ пересѣли на казачьихъ и вчетверомъ поѣхали впередъ; сзади въ двухъ экипажахъ размѣстились четыре генерала и Б.

Въ верстѣ отъ Ламатензы командующаго встрѣтилъ вр. и. д. начальника штаба 10-го корпуса, вмѣсто больного генерала Маркова, командующій 2-й бригадой 31-й дивизіи полковникъ Миллеръ со свитой Церпицкаго—подполковникомъ З. (бывшій кирасиръ Его Величества) и цѣлой группой офицеровъ, нѣкоторые на превосходныхъ лошадяхъ. Я думаю, что наша кавалькада, пока дѣло не объяснилось, должна была на нихъ произвести довольно странное впечатлѣніе,—командующій еще, положимъ, такъ подобралъ моего Васку, что узнать нельзя, но я за то на казачьей крысѣ съ солдатскимъ व्यюкомъ былъ, вѣроятно, весьма эксцентриченъ.

У двора Церпицкаго мы слѣзли съ лошадей, я распрощался и поѣхалъ дальше къ Б., отказавшись отъ приглашенія на обѣдъ.

У Б. уже дожидался моего приѣзда и Ц.,—слава Богу, и здоровый, и веселый.

Кукку угостилъ насъ, конечно, превосходнымъ ужиномъ съ тонкими французскими винами и такимъ рокфоромъ, что мы восхищались имъ до тѣхъ поръ, покуда не расхотались, увидавъ, что кусочекъ сыру *ползаетъ* по тарелкѣ. Я столкнулся съ этимъ явленіемъ первый разъ въ жизни и не могъ согласиться съ хлѣбосольнымъ хозяиномъ, что «эти шервяшки должны бить самія фвкуснія вешши».

Мы ужинали въ садикѣ за фанзой, какъ въ загородномъ ресторанѣ, и говоря о полкѣ, о товарищахъ, о войнѣ, обо всемъ, что всѣмъ троемъ было близко и дорого вспомнить,—провели одинъ изъ лучшихъ нашихъ вечеровъ въ Маньчжуріи.

Я остался ночевать у Кукко, чтобы завтра утромъ ближе было выѣзжать въ Ламатензу. Ц. поѣхалъ къ себѣ.

14-го августа. Я могъ бы спать отлично, если бъ не панический страхъ, въ который меня повергали ночныя приключенія Маньчжурскаго гастронома. Бѣдный Кукко подвергся жесточайшимъ приступамъ холеры, и я просыпался каждые полъ-часа, слыша его сборы въ походъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на гибель товарища по грѣхамъ, ожидая такой же казни за уничтоженіе «шервяшковъ». Но судьба была милостива — онъ не погибъ, а я остался безнаказанъ.

Въ 9 ч. утра я приѣхалъ на редутъ, гдѣ собирались всѣ присутствовавшіе на стрѣльбѣ. Командующаго еще не было. На валахъ стояли толпы офицеровъ, внизу такая масса лошадей и коно-

водовъ, точно впереди гдѣ-то спѣшился кавалерійскій полкъ. На редутъ собрались и подъѣзжали одинъ за другимъ командиры корпусовъ—Топорнинъ, Флейшеръ, Васильевъ (вмѣсто Церпицкаго) съ начальниками своихъ штабовъ, всѣ начальники артилерій, начальники дивизій, командиры артилерійскихъ и пѣхотныхъ бригадъ и массы «свободныхъ отъ служебныхъ нарядовъ» офицеровъ 9-й и 31-й дивизій. На самомъ видномъ мѣстѣ редута подъ открытой палаткой ожидали командующаго—Орановскій, Алексѣевъ, германскій военный агентъ баронъ Теттау съ военнымъ врачомъ и наши адъютанты и ординарцы, пріѣхавшіе изъ Маймака. Стрѣльба изъ гаубиць, очевидно, заинтересовала всѣхъ офицеровъ.

У палатки были разставлены телескопы, трубы и мудреные бинокли на треногахъ; позади редута уже качался шаръ; во рву позванивали телефонные аппараты,—однимъ словомъ было сдѣлано все для наблюденія и связи между наблюдателями и батареей. Самая батарея стояла верстахъ въ 1½ сзади и влѣво отъ редута.

Цѣль стрѣльбы, какъ было указано въ програмѣ, состояла въ слѣдующемъ: 1) испытать пробиваемость фанзы, для опредѣленія степени безопасности укрытія въ между канномъ пространствѣ ея; 2) испытать степень разрушенія мѣстной глиняной ограды, укрѣпленной насыпью снаружи или внутри; 3) испытать такое же разрушеніе полевого бруствера; 4) испытать пробиваемость бомбой блиндажа; 5) испытать степень порчи бомбой проволочнаго загражденія, и 6) испытать порчу бомбой участка волчьихъ ямъ».

Для всѣхъ этихъ опытовъ была избрана фанза на фронтѣ позиціи, внизу на подступахъ и укрѣплена на ширинѣ 50 шаговъ всѣми видами испытываемыхъ закрытій и препятствій. Стрѣльба была назначена только бомбами,—24-мя съ первой позиціи въ 2,000 саженьяхъ и 36-ю со второй въ 1,200 саженьяхъ отъ фанзы; огонь рѣдкій и очередями послѣ пристрѣлки; батарея въ окопахъ за гребнемъ,—цѣль невидимая; разстоянія измѣрены; наблюдательный пунктъ на одной высотѣ съ пѣлюю и въ верстѣ отъ нее въ сторону фланга.

Такимъ образомъ, вся стрѣльба была обставлена условіями стрѣльбища и рассчитана на испытаніе двухъ свойствъ новой системы—мѣткости на среднія и близкія разстоянія и разрушительнаго дѣйствія.

Въ 10 ч. галопомъ подъѣхалъ командующій вмѣстѣ съ Мищенкой, ѣхавшимъ, однако, въ сторонкѣ, поодаль, и прошелъ подъ палатку, кланяясь на всѣ стороны офицерамъ.

Въ 10½ часовъ дали сигналъ по телефону, и стрѣльба началась.

Выстрѣлы съ батареи изъ-за перегибовъ едва были слышны, затѣмъ раздавался долгій металлическій вой полета и, послѣ видимаго эффекта, мягкій ударъ или страшный трескъ отъ разрыва снаряда. Взрывы бомбъ въ бинокли казались громадны. Сравненіе ихъ съ фонтанами было бы не выразительно,—изъ земли вырывались громадныя, широкіе конусы, воронкой книзу, черныхъ комьевъ земли и обломковъ и охватывались затѣмъ, какъ облакомъ, пышными и высокими клубами бураго дыма. Тѣ бомбы, которыя врывались въ землю, давали звукъ глухого выстрѣла, тѣ же, которыя взрывались на поверхности, давали трескъ, похожій рѣзкостью на разрывы японской шимозы.

Всѣ офицеры напряженно слѣдили въ бинокли за понаданіемъ и разрывомъ снарядовъ, хоромъ вскрикивали «идеть!» послѣ выстрѣла, и гудѣли одобрительно послѣ громкаго взрыва.

Но въ общемъ всѣ остались неудовлетворенными стрѣльбой,—всѣмъ почему-то хотѣлось непременно, чтобы артиллеристы попали въ самую фанзу. Но бомбы какъ нарочно падали вокругъ и около, щадя заколдованный домъ. Послѣ 18 выстрѣловъ, батарея дала двѣ очереди, и вся усадьба скрылась въ облакѣ дыма, поднимавшемся къ небу, какъ на фотографіи, запечатлѣвшей гибель Петропавловска. Въ публикѣ прошелъ одобрительный ропотъ, слышались догадки, что отъ фанзы ничего не осталось, но... дымъ понемногу разсѣялся, а фанза стоитъ какъ нетронутая!

Стрѣльба съ 1-й позиціи (2 т. саж.) была на этомъ закончена. и командующій отправился верхомъ «со всѣми своими» и съ приглашенными старшими начальниками осматривать пораженія, покуда батарея мѣняла позицію. И то, несмотря на ограниченіе свиты, собралось человекъ до семидесяти.

Первое, на что мы наткнулись, когда слѣзли съ лошадей, были черныя ямы воронокъ въ глинистомъ черноземѣ; глубина ихъ была по плечо, діаметръ немного больше сажени. Затѣмъ оказались пораженія—въ волчьихъ ямахъ, въ глиняномъ заборѣ и въ брустверѣ, толщиною въ 5—6 шаговъ. Разрушительное дѣйствіе бомбы на волчьи ямы оказалось не очень могучимъ,—одинъ снарядъ раз-

рушилъ двѣ-три ямы и далъ почти такую-же воронку; въ глинобитной стѣнкѣ, шедшей почти по направленію огня, образовался проломъ шага въ 3; на брустверѣ была такая же какъ въ грунтѣ воронка съ небольшимъ сотрясеніемъ внутренней крутости; изъ досокъ, приставленныхъ на разстояніи одна отъ другой въ два шага къ внутренней крутости, для означенія стрѣлковъ, только три были откинута на заднюю отлогость стрѣлковаго рва безъ расщепленія и безъ пробоинъ; по всей усадьбѣ были разбросаны мелкіе остро-рваные осколки стальныхъ стакановъ, величиной отъ большого ногтя до 2—3 вершковъ, совершенно сходные съ осколками шимозы.

Осмотръ усадьбы, повидимому, произвелъ неблагоприятное впечатлѣніе—всѣ ждали большаго.

Чтобы слѣдить за стрѣльбой со 2-й позиціи, мы переѣхали къ наблюдательному пункту въ верстѣ отъ усадьбы, подѣ прямымъ угломъ къ направленію огня. Въ бинокль было видно отлично всю площадь обстрѣливанія и особенно удобно наблюдать перелеты и недолеты. На крышѣ стоялъ на треногѣ спеціальнѣйшій цейсовскій бинокль и офицеръ-наблюдатель; внизу телефонистъ съ трубкой наготовѣ.

По приказанію командующаго началась вторая стрѣльба. Первая бомба—недолетъ. Наблюдатель черезъ нѣсколько секундъ кричитъ телефонисту.

— Минусъ 37.

Мнѣ думается, когда я слышу передачу этого незвучнаго «минусъ», мало контрастнаго съ «плюсъ»,—почему бы не говорить «меньше» и «больше»?

Вторая бомба опять «минусъ 37». Потомъ «минусъ 9» и на четвертой батарея пристрѣлялась, но продолжаетъ еще нѣкоторое время одиночный огонь и подѣ конецъ бросаетъ 3 очереди. Вся усадьба въ дыму, вокругъ фанзы извергаются вулканы, летятъ комья земли, какія-то палки, щепки, осколки; два снаряда попадаютъ въ фанзу, съ крыши что-то сыпется,—всѣ въ восторгѣ отъ кучности и точности попаданій и убѣждены, что фанза погибла. Но дымъ разсѣивается, а фанза все стоитъ!

Стрѣльба окончена, выпущено еще 36 бомбъ.

Мы ѣдемъ опять для осмотра.

Теперь снаряды попали снова въ брустверъ, въ проволочную сѣть, подѣ корень могучато пня и въ самую фанзу. Блиндажъ остался, къ сожалѣнію, не затронуть.

Двѣ воронки въ брустверѣ почти-что слились съ первой и разрушили его очень сильно въ глубину и по наружной отлогости, но слабѣе опять-таки по внутренней крутости; отброшенныхъ, но все же не пораженныхъ, досокъ оказалось семь.

Въ проволочную сѣть попало двѣ бомбы, шагахъ въ шести одна отъ другой, на линіи перваго ряда кольевъ; колья выбросило и откинуло, такъ что первый рядъ сѣти на длинѣ 10—12 шаговъ былъ разрушенъ, но проволока мало порвана и частью закинута на слѣдующіе ряды; самыя воронки образовали нѣчто вродѣ волчьихъ ямъ.

Взрывъ подъ старымъ пнемъ былъ самымъ эффектнымъ — всѣ корни перервало, пень откинуло шага на три въ сторону, а на мѣстѣ его образовалась воронка.

И, наконецъ, поражение фанзы оказалось ничтожнымъ. Обѣ бомбы сдѣлали пробоины съ полъ-аршина въ діаметрѣ, настолько мало разрушительныя, что возникло даже сомнѣніе, прошла ли вся бомба или снопъ осколковъ черезъ глиняную стѣну. Внутри въ той же комнатѣ, въ которую вела одна изъ пробоинъ въ «междуканномъ пространствѣ», въ глиняномъ полу была небольшая воронка съ полъ-аршина глубиной, засыпанная всякой рухлядью и глиной; по стѣнамъ до двадцати *не сквозныхъ* пробоинъ осколками, изъ копъхъ нѣсколько только впились и торчали. Въ смежной комнатѣ поражений не было, а сотрясеніе выразилось только тѣмъ, что обрушилось гнѣздо ласточекъ, но птенчики остались живы; на порогѣ лежала собака, которой перебило ноги; кто-то изъ офицеровъ ее прикончилъ изъ револьвера, выпустивъ четыре пули, покуда она, наконецъ, замолкла.

Командующій долго стоялъ внутри фанзы, осматриваясь и обсуждая съ артиллеристами—можно ли удовольствоваться такимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ. Ждали, очевидно, большаго и, убѣдившись, что разрушеніе собственно ничтожно, утѣшались тѣмъ, что защитники фанзы все-таки были бы принуждены ее покинуть.

Мищенко вошелъ въ другую дверь, заглянулъ въ ту комнату, куда попала бомба, сказалъ, что сила разрушенія пропорціональна сопротивленію, а фанза дряблая, и перешелъ туда, гдѣ лежала собака и ласточки.

Видъ у него былъ скучающій. Кто-то показалъ ему на «жертвы» бомбардировки. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ съ какой-то грустью.

— Собаку убили, гнѣздо разорили—пойду-ка я отсюда, пока самага не придавило крышей.

Изъ усадьбы командующій поѣхалъ галопомъ и рысью на батарею. У меня случилось несчастье: лошадь не перековали послѣ поѣздки въ Херсу, подкова переломилась и сильно обломала копыто, лошадь не жаловалась, но ѣхать приходилось шагомъ. Всѣ уже давно умчались впередъ, и мы ѣхали вдвоемъ съ барономъ де-П., уже подполковникомъ N—го полка. Когда отъѣхали съ версту, насъ нагнала рысцой какая-то группа офицеровъ. Я обернулся только, когда передняя лошадь равнялась съ моей—Мищенко! На маленькой, но хорошей вороной лошаdkѣ, съ легкимъ чернымъ сѣдломъ на малиновомъ бархатномъ потникѣ.

— Что это вы шагомъ, господа?

П. отвѣтилъ, что у него горячится конь (превосходная выводная лошадь), а я показалъ на обломанное копыто.

— Ну, поѣдьте вмѣстѣ, я тоже шажкомъ. Славныя у васъ, господа, лошадки! Я смотрю, что за кавалеристы—не похоже что-то на нашихъ пѣхотныхъ офицеровъ,—да вы, должно быть, съ командующимъ.

Мы объяснили, гдѣ служимъ.

Сначала Мищенко долго спрашивалъ П. о его лошади, потомъ повернулся къ моей.

— А у васъ какая лошадь?

— Говорять, в пр., это улучшенная донская порода,—но самъ я мало понимаю.

— Чтожъ! лошадь хорошая,—это настоящій походный конь... Эка бѣдная, заломила! Вы поосторожнѣй, вотъ здѣсь поѣзжайте по мягонькому, а какъ вернетесь, дайте ей деньковъ пять отдохнуть, пока отростетъ копыто.

Нашъ разговоръ, пока доѣхали до батареи, почти не коснулся какихъ-нибудь интересныхъ темъ, и мнѣ хочется, передавая его, слова уловить только тотъ мягкій, простой и добродушный тонъ, какимъ онъ привыкъ очевидно говорить съ офицерами. Впрочемъ, мы затронули мелькомъ и одинъ любопытный вопросъ,—я спросилъ, дошли ли уже до отряда партизаны Ш—ва, и ждалъ, откровенно сказать, что онъ отзовется о нихъ неодобрительно, но сильно ошибся: Мищенко и тутъ сказался гораздо болѣе мягкимъ и доброжелательнымъ, чѣмъ я могъ это думать по наслышкѣ.

— Да, какъ же, прибыли. Ну, ничего.

— Плоховаты, в. пр.?

— Нѣ-ѣтъ, ничего,—обойдутся! Ну съ виду, конечно, не очень казисты, да этого покуда съ нихъ нельзя и потребовать,—откуда же взяться? Только видно, что ужъ начали подтягиваться. Лошадки исхудалыя,—да вѣдь это порода такая и гдѣ ихъ тутъ достанешь хорошихъ? Я пропустилъ ихъ по три,—прошли довольно порядочно... И офицеры у нихъ хорошіе, да вотъ посмотримъ,—я послалъ ихъ постоять на сторожевую службу для начала, а тамъ и впередь!

— П. спросилъ. А какъ одѣты, в. пр.,—вѣроятно плохо?

— Да,—вотъ это нехорошо. Я вѣдь держусь того взгляда, что солдата надо одѣвать хорошо и въ хорошую форму, чтобъ ему приятно было ее надѣвать,—тогда и беречь будетъ и смотрѣть бодрѣе. Эти вѣдь всѣ обтрепанные замарашки духа не имѣютъ и первыми тянутся къ тылу изъ боя,—такова ужъ душа, съ этимъ надо считаться.

Дальше, когда я сказалъ, что русская армія могла бы и не прибѣгать къ такимъ импровизаціямъ и выдѣлать не три, а сколько угодно сотень хорошихъ партизановъ-солдатъ, Мищенко оживился и горячо отвѣтилъ:

— Вотъ это вотъ горе! Все выдумки, да выдумки,—точно силы нѣтъ настоящей... Мнѣ еще вотъ предлагаютъ взять какихъ-то хунхузовъ, ну на кой намъ этотъ сбродъ! Я взялъ, поставилъ ихъ сзади, а фронтомъ къ нимъ сторожевое охраненіе,—вотъ и усилили! А иначе не могу,—кто вѣдь ихъ знаетъ, что за народъ!

Когда мы подъѣхали къ батарее, еще стоявшей въ окопахъ вплотную къ гребню, за которымъ совершенно скрывалась цѣль, командующій съ громадной свитой осматривалъ что-то у второго орудія. Мищенко слѣзъ и сказалъ, ну, посмотримъ шестое! и направился къ гаубицѣ.

Наконецъ, распрощались и стали разъѣзжаться. Командующій поѣхалъ на завтракъ къ Васильеву, генералы и офицеры по штабамъ и бивакамъ, Мищенко къ Церпицкому обѣдать, а я къ П. ковать лошадь, чтобы добраться до Маймака.

Въ 4 часа мы выѣхали съ Кухарчукомъ изъ Ламатензы и въ половинѣ седьмого вернулись домой. Командующій вернулся раньше, и обѣдъ уже кончился.

Орановскій уѣхалъ къ себѣ.

Вечеромъ, когда Алексѣевъ, Э., Б., и я съ ординарцами сидѣли на скамеечкѣхъ подъ окнами нашей фанзы, къ намъ подошелъ командующій и сѣлъ вмѣстѣ со всѣми.

— Ну-съ, господа, подѣлимтесь впечатлѣніями, я хочу выслушать, кто изъ васъ что думаетъ.

Въ разговорѣ участвовали всѣ совершенно запросто. Стрѣльбу разобрали во всѣхъ подробностяхъ и въ общемъ вывели приговоръ, что дальность и мѣткость поразительна, но разрушительное дѣйствіе вызвало споры. Съ одной стороны—Алексѣевъ былъ вполне удовлетворенъ и находилъ, что моральное дѣйствіе будетъ громадно, а разрушеніе, при условіи сосредоточенія огня и забрасыванія опредѣленнаго пункта массой снарядовъ, будетъ настолько страшно, что любой редуть будетъ совершенно разбитъ и покинутъ защитниками. Съ другой стороны командующій высказалъ мнѣніе, что гаубица, какъ и все «унитарное», является «ни тѣмъ, ни другимъ», особенно его не удовлетворяло разрушительное дѣйствіе бомбы.

15-го августа. Часовъ въ 9 во дворикѣ появился Мищенко. «Гони природу въ двери—она влетитъ въ окно»,—едва онъ вошелъ, какъ всѣ ординарцы выскочили изъ фанзъ и подошли здороваться, чего не дѣлаетъ наша публика для другихъ генераловъ. «Мищенко»—имя единственное на войнѣ для солдатъ и офицеровъ. Быть можетъ, только Ренненкампфъ пользуется близкимъ къ его обаяніемъ, но Ренненкампфа я еще не встрѣчалъ и не видѣлъ, какъ относятся къ нему тѣ, кто видятъ передъ собою.

Командующій принялъ Мищенку сначала при Н. А. Б. подъ шатромъ, послѣ увелъ къ себѣ въ кумирню, и тамъ они пробыли запершись около часу. Въ 11 часовъ, за часъ до завтрака, они вышли изъ подъ шатра; были слышны слова командующаго:

— Въ 12 часовъ мы завтракаемъ—вы услышите сигналъ ап-пель и всѣ исполняйте,—тогда и приходите.

Мищенко поклонился уже со ступенекъ и ушелъ за ворота, чтобы побыть до завтрака у своего знакомаго генерала Лукашева.

Когда командующій пришелъ въ столовую, Мищенко уже дождался, опять такъ скромно и просто, какъ ни одинъ изъ командировъ корпусовъ, когда они здѣсь бывають. Командующій посадилъ его по правую руку.

Тотчасъ послѣ обѣда командующій отправился верхомъ на «дековильку», чтобы пріѣхать на 84-й разъѣздъ, официально откры-

вая движеніе, и дальше, въ своемъ вагонѣ, на совѣтъ къ главнокомандующему. вмѣстѣ выѣхалъ Флугъ, дежурный С. Д. Н. съ любителями прокатиться Н. В. С., В. А. К. и Г. А. З. Я пошелъ пѣшкомъ съ нашимъ дипломатомъ Е. Ф. Ш. и княземъ А. И. Э. прогуляться и взглянуть на торжественный поѣздъ. Но еще не успѣли мы дойти до станціи, верстахъ въ двухъ отъ города, какъ набѣжали тучи, пригрозило дождемъ, мы повернули обратно, прибавили шагу, дождь уже шумѣлъ по полямъ, и я пустился бѣгомъ на бивакъ штабнаго обоза; и едва успѣлъ вбѣжать въ солдатскую палатку, какъ хлынулъ ливень.

Только я успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ изъ сосѣдней палатки явился Игошинъ! Оказалось, что я забѣжалъ чуть-чуть не къ нему.

— Здравія желаю, в. в.!

Все тотъ же славный и веселый, только теперь уже и постригся глаже и почистился, какъ будто уже и покруглѣй немножко.

Когда онъ вышелъ достать мнѣ накидку, я спросилъ фельдфебеля, хорошо ли онъ служить?

— Очень хорошій солдатъ, в. в., веселый такой и охочъ на всякое дѣло, никогда не откажется; имъ и ротный командиръ все не нахвалятся.

Вмѣстѣ съ Игошинымъ мы вернулись домой, вспоминая, какъ годъ тому назадъ въ это время строили окопы изъ каменныхъ плитъ на сопкахъ надъ долиной Танхэ, а послѣ всю ночь принимали налѣво, уходя къ Ляояну. Э. и Ш. стойчески шли шагомъ, и денщики ихъ, когда я вернулся, уже выжимали бѣлье.

17-го августа. Въ 9 часовъ утра вернулся командующій. Мы встрѣтили его у воротъ всей ближней свитой. Но Н. А. Б. былъ правъ, и, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, ни по лицу его, ни по первымъ словамъ, — мы ничего не узнали о судьбахъ войны. И только одна интересная новость быстро облетѣла весь штабъ — генералъ Э. назначенъ дежурнымъ генераломъ.

Къ полудню Э. уже перебрался изъ нашей фанзы въ свою новую квартиру. На его мѣсто къ намъ водворился новый сожитель — дипломатическій чиновникъ Е. Ф. Ш.

У командующаго передъ самымъ завтракомъ началось большое совѣщаніе артилеристовъ: инспекторъ и всѣ начальники артилерій корпусовъ, Топорнинъ, Соболевъ, Флугъ и Бабиловъ.

За завтракомъ были всѣ съѣхавшіеся генералы, возвращающіеся въ Годзядянь баронъ Теттау и двѣ сестры милосердія. Были

и тосты: за новаго дежурнаго генерала, за представителя дружественной націи и за нашихъ сестеръ. Послѣ обѣда весь вечеръ гуляли съ сестрами и веселились, но у меня послѣ нѣсколькихъ словъ, которыми мы обмѣнялись съ Н. А. Б. зародились далеко не веселыя мысли. Онъ сказалъ мнѣ, чѣмъ кончился вчерашній совѣтъ.

— Развѣ политическое положеніе такъ плохо?

— О, да! Почти безнадежно! Вчера у насъ получены свѣдѣнія о подвижкѣ на западъ японцевъ, вы сами понимаете, что это значить; а Линевичь получилъ донесеніе изъ Пекина, что японцы и думать не хотятъ о мирѣ, и все это одна комедія...

Музыка играетъ, всѣ любезничаютъ съ сестрами, офицеры шумятъ, надъ головами ясныя звѣзды, а съ горизонта уже блещутъ молніи подходящей грозы...

Б. Адамобичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

